Наталья МУРЗИНА 1999

ЛЕТО В АПРЕЛЕ 97 ГОДА

А. Ибрагимову

Это лето пришло, проскользнуло по зарослям спящих ресниц
В заплутавшийся сон, сквозь налипшие веки теплея.
И букетик веснушек в ловушки подставленных лиц
Раскидало-рассыпало – щедро, легко, не жалея.

Разнотравье беретов, перчаток, косынок, плащей...
Разноцветье гудков, светофоров, звучаний, свечений.
И вплотную уже очертанья людей и вещей.
И влечёт, и качает на острой волне ощущений.

Это солнце опять каждой луже заслепит зрачки,
И уже тормошит и торопит: скорей же, скорей же!
Исполин-ледоход по тягучему мёду реки
Сквозь сплетенья домов и деревьев на правобережье!

Это лето прильнуло к щеке, намаячив, устав,
И притихло размытым пятном на листе акварели.
Клейким клювиком почка раздвинет апрелю уста...
Неужели опять это лето пришло, неужели?

Неужели опять в растворённые поры земли
Эти травы потянутся к синему пологу сами?
Одуванчик-птенец в желторотой от солнца пыли,
Карекрылой пожарницы ярко вспорхнувшее пламя.

И белёные голени новорождённых берёз
Под тонюсеньким кружевом из комариного ситца...
Это лето пришло в изумлённый апрель, и до слёз
Ослепительным диском в промытом окне золотится.

ДЕТСТВО

В кромешности потушенного света –
я знаю – мне опасно оставаться,
протянешь руку, шевельнёшь губами –
бабай скакнёт! Скорей, скорей на кухню!
Сестра длинноволосая. Как крепость.
Готовит неприступные уроки.
Расплывшиеся по тетради буквы
я медленно распробовать пытаюсь.
И вот они послушны, оживают
тропическим названием «Ал-геб-ра»,
растением волшебным. Но об этом
спросить сестру мне духу не хватает.
У бабушки гребёнка костяная
и сарафан, впитавший запах кухни.
Стремительные спицы, будто птицы,
вьют гнёздышко пуховое, ручное.
Я знаю, как. Меня уже учили
перебирать запутанные петли.
Отколупну кусочек штукатурки
за печкой, где меня никто не видит.
Получится горяченькая ямка.
В печном нутре гневливый зверь бушует.
Пахучие песочники томятся,
мы с мамой их в духовке заточили
на противне, посыпанном мукою.
Он не противный, просто очень чёрный.
Из погреба сейчас достанут к чаю
тягучего клубничного варенья.
А за окном надсадный рык овчарки,
рёв трактора. На сваленных берёзах
везут зарод, зародище, громаду,
присыпанную снегом гору сена,
колючего, душистого, сухого.
Я завтра на него тайком залезу.
Отец кричит о чём-то с мужиками,
перекричать старается овчарку...
Оранжевые тракторные фары
прошили двор насквозь, до огорода...

*

Маме

И всё-таки февраль. Подстывшая дорога
Летит под перестук натруженных колёс.
То грязным полотном расстелется полого,
То зарябит в глаза рубашками берёз.
Заждавшаяся дверь в свои объятья примет,
Подсуетится стол, посудою звеня.
И мама за столом заботливо обнимет
Забытой теплотой обмякшую меня.
И будет говорить, что пирожки остыли,
Что свежий варенец так и не съели мы.
И скажет, помолчав, что зиму пережили,
И, может, хватит дров до следующей зимы.
А престарелый кот свернётся у порога.
Мурлыкать: коротать, обманывать мороз.
Но всё-таки февраль. И всё-таки дорога
Размотанным клубком летит из-под колёс.

*

Серёже

Дождь проснулся в облачной перине,
Распугал ватагу шумных птиц.
Вновь сияет солнце, а у сына
Небо пролилось из-под ресниц.
И несётся детство золотое
По траве прохладной босиком.
Счастье... знаешь, сын, оно простое.
В белой кружке с белым молоком.

*

Я в гостях у судьбы. Чайный морок, приправленный мятой.
Испытующий взгляд и опять разговор непростой.
На дверном косяке ростовая зарубка и дата
Непреложно начертаны невозмутимой рукой.

Только наедине. Каждый раз, как особую сладость,
Неразбавленным пью с чайной ложки солёный урок.
Птичьим тельцем толкнулась, толкнулась залётная радость,
Что отметка моя всё же выросла на волосок...

ДОМ

Отоснишься ль когда-нибудь, ждавший, любивший, кормивший
Мой единственный дом, где рассыпало детство следы.
Белоствольный простор над просевшей от времени крышей
И щербатый колодец, черпнувший глубинной воды.

И толчёный снежок, скорлупой под шагами хрустящий,
А скворечня пуста – долговязый качается шест.
Только рыжий телёнок, опасливым оком косящий,
Из лохматой охапки солому поспешную ест.

Большеглазых снежинок бумажную белую стаю
На рождественский клей прикрепили в соседском окне.
Возвращаясь в тебя, каждый раз из тебя вырастаю,
Старый бабушкин дом. Но по-прежнему чудится мне

Неотчётливый скрип половиц у притихшей кроватки
И притворство прищуренных глаз... А ещё б подглядеть,
Как мелькают по толстым шкафам быстроногие пятки
И фиалковый суп уплетает безухий медведь.

А ты помнишь, как жили котята в старинном лукошке,
А как я на запретный чердак пробиралась тайком,
А пахучий дымок от печёной в духовке картошки,
С крупной солью и хлебом, и белым густым молоком!

Что-то ветрено нынче... Хлопочут иссохшие ставни.
Детство – яблоко, из повзрослевших упавшее рук.
Не оставь же меня, моё млечное воспоминанье,
Миг духмяного детства, предутренне-сладкий испуг.

*

Я баян обниму. Он, заждавшийся, на руки просится.
Встрепенётся, вздохнёт, как живые, меха развернёт.
Он застенчиво всхлипнет коротенькой разноголосицей
И протяжную русскую сам нараспев заведёт.

Он «Лучинушку» плачет – качает басы безысходные.
Он созвучья выводит. Пронзительно. Сладко. Навзрыд.
Словно жаркой слезою, он песней текучей народною
Пробирает насквозь. Бередит на душе. Бередит...

Он заходится песней. А мне всё отчётливей кажется,
Что, как исстари, сядем за стол, соберётся родня.
И потянется песня-слеза, и всем миром заладится...
Что не песня, а русская вечность течёт сквозь меня.

ПЕРЕЕЗД

Со всех сторон, на все лады торчат стреноженные вещи,
Обоев рваных бахрома, распотрошённый скарб и хлам.
Разинутые рты коробок, нагромождённых по углам.
И обнаруженная моль в шкафу контуженно трепещет.

Перевернувший всё вверх дном и от расправы увильнувший,
В чужой, ворчливый коридор помчался ошалевший кот.
Ещё не собранная утварь угадывает свой черёд,
На кухне выпятив торчком эмалированные ушки.

Выносят мебель. Мы пока сидим на пустоте дивана,
Взметнув над пустотой стола першащую пылинок взвесь.
Всё увозя, но оставляя два года нашей жизни здесь.
Мы уезжаем навсегда... И дверь растворена, как рана.

Первовторжение весны. Всё жарче щебет за спиною.
И свежевыпавшая хлябь, наросшая на каблуках.
Уже сосульки-языки прохладно капали слюною.
Уже высотный ветер рвёт просветы в редких облаках.

Как пробудившийся поток, весна уже неудержима.
Нетерпелива, голодна, она вот-вот прорвётся в нас.
Ты с отогревшейся руки сейчас отпустишь эту зиму,
И не сумеет скрыть февраль расширенных проталин-глаз!

*

Молчание бывает, как спасение,
Как тайной оберег. Оно не лжёт.
Оно от рокового потрясения
Непрочный мир собою бережёт.

Молчание бывает, как предательство,
Как механизм замедленной взрывной.
А жизнь потом представит доказательства,
Придавит запоздалою виной.

И ты молчишь. Простые, непреложные
Слова из сердца просятся сойти.
Но ты глаза отводишь осторожные,
Не в силах этих слов произнести.

Наталья Мурзина родилась в 1971 году в посёлке Тисуль Кемеровской области. Выпускница математического факультета КемГУ. В 90-е — член Мастерской «АЗ», сотрудник журнала «После 12». Победитель городского состязания молодых поэтов (Кемерово, 1996). Автор поэтической книги «Вторжение весны» (2005). Член СП России. Живёт в Кемерове.